

ЧЕСТЬ ПОЭТА, или ДЕНЬ ПАМЯТИ ПУШКИНА

Рассказ бывшего студента Литинститута, а ныне юбиляра, из книги «Мифы про Абаканск»

В ночь с шестого на седьмое июня поэту Михаилу Злобину приснился поэт Александр Пушкин, который сказал:

— Михаил, Христом Богом молю: защити мою честь!

Весь день накануне Михаил Иосифович Злобин посвятил открытию памятника великому поэту.

Это была скульптурная группа. На бетонной скамеечке сидит, вся из белоснежного саянского мрамора, в кружевном воздушном платье, Наталья Николаевна Гончарова с золотым обручем на голове, а перед нею стоит, весь из чёрного енисейского гранита, в цилиндре и во фраке,

её муж: голова гордо откинута, левая рука вытянута, а в ней — белая мраморная тетрадка, а в ней — чёрным по белому бессмертные стихи:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты...

— Наконец-то сбылась моя сокровенная мечта! — сказал перед толпой, собравшейся на Стрелке, автор композиции скульптор Соломон Гуревич. — Точнее, воплотилась, и мой любимый поэт ожил в граните рядом со своей Мадонной во мраморе. Теперь каждый ценитель высокой поэзии сможет прийти сюда, где красавица Кача впадает в могучий Енисей, и почитать стихи своей девушке, и признаться ей в любви, и разделить общую радость, присев на скамью рядом с Пушкиным и Натали. Это ли не счастье?

Михаил Злобин не остался перед слушателями в долгу.

— Посмотрите внимательно в лицо гранитному поэту! — воскликнул он. — А теперь — мне в лицо! Похожи? — Похожи! — откликнулись в толпе.

— Да, мы похожи, и это не случайно, ведь я — прапрапраправнук Александра Сергеевича, и тоже поэт, и с гордостью ношу звание лауреата Пушкинской премии. И живу здесь, в прекрасном сибирском городе Абаканске, чтобы во глубину сибирских руд пришла, наконец, желанная пора свободного творческого труда, как завещал поэт, чтобы слово не расходилось с делом и чтобы культура Сибири прирастала к России и наши стихи звучали во имя светлого будущего, которое не за горами.

Пушкин, Пушкин, ты могуч!
Ты для нас — как солнца луч.
И с тобой нам из дали
Светит образ Натали!

Потом выступили начинающие поэты из литературного объединения «Истоки», потом оргкомитет угощал всех шампанским, в то время как фольклорный ансамбль «Дубинушка» пел, приплясывая, русские народные песни...

Было весело и ясно, что культура уже прирастает к России Сибирью вместе с её могуществом, как предсказывал когда-то Ломоносов.

Михаил Злобин изрядно угостился шампанским с начинающими поэтами и поэтессами около скульптурной группы, потом вином в Союзе художников, потом водкой в Союзе архитекторов, потом пивом в Союзе писателей, вместе с тёзкой, председателем Союза и просто хорошим человеком Михаилом Михайловичем Михайловым по прозвищу МММ, который и довёл его, как поётся в песне, до дому с дружеской попойки...

Михаил Злобин долго не мог заснуть, а когда, наконец, это случилось, увидел он, что к нему в комнату, тяжело ступая, вошёл памятник Пушкину и сказал:

— Спишь? А между тем твой прапрапрадед опять принародно опозорен!

— В каком смысле? — прошептал, через силу пошевелив онемевшим языком, Михаил.

— А в самом прямом. Значит, запечатлели меня в граните и успокоились? Значит, держу я в руке тетрадь со стихами и читаю их своей жене?

— А что тут такого?

— А то, что в тетради чёрным по белому начертано: «Я помню чудное мгновенье...» И всем давно известно, что посвятил я эти стихи своей любовнице Анне Керн, а выходит, читаю их своей жене? Как же так?

— Ну, видимо, запомнил скульптор этот факт, с кем не бывает, очень уж стихи хорошие.

— А мне кажется, что не запомнил, а сделал это специально. Чтобы в очередной раз мою честь опорочить и жены моей любимой. Выходит, зря я на дуэли стрелялся, как невольник чести, оклеветанный молвой?

— Ну Александр Сергеевич, ну миленький, — залепетал Михаил, — ну преувеличиваете вы...

— Нет, вовсе я нисколько не преувеличиваю! А поэтому, Михаил, Христом Богом молю: защити мою честь! Да не словом, как Лермонтов, а делом!

— Это каким же образом?

— Возьми молоток, пойди и разбей молотком тетрадку со стихами!

— Как разбить? И когда?

— А так, и прямо сейчас, не медля ни минуты! — сказал Пушкин и исчез в ночной темноте.

И открыл глаза Михаил Злобин, весь в холодном поту, и пошёл по тёмному пустынному Абаканску, прижимая к груди тяжёлый холодный молоток, — туда, где красавица Кача впадает в могучий Енисей, и при ярком свете луны убедился, что в каменной тетрадке — действительно злополучные стихи «Я помню...»... И ударил он по ним молотком, да так, что искры посыпались, а тетрадка откололась вместе с каменной ладонью...

Взял он фрагмент скульптуры и, прижав каменный сувенир к груди, вернулся домой, где и заснул мгновенно крепким поэтическим сном как ни в чём не бывало.

Проснулся в одиннадцать часов под ласковым лучом летнего сибирского солнца. Только умылся, побрился и кофе выпил, как позвонил из Союза писателей МММ и сказал взволнованным голосом:

— Михаил Иосифович! Срочно приезжайте на набережную! Совершён акт вандализма. Памятнику Пушкина отрубили руку со стихами! Правоохранительные органы и представители творческих союзов уже на месте происшествия.

Когда Михаил Злобин подъехал на такси к Стрелке, перед многочисленными зеваками и телекамерами держал речь скульптор Соломон Гуревич.

Шёл прямой репортаж.

— Это уже второй в моей жизни акт неслыханного вандализма! Помню, на этом месте, ещё при жизни дважды Героя Советского Союза, генерального секретаря Коммунистической партии Константина Устиновича Черненко, был установлен бюст ему, и я как автор был горд! Я даже называл его не генеральным, а гениальным секретарём. До тех пор, пока бюст не облили белой масляной краской. Потом отчистили и установили индивидуальный милицейский пост. Но всё равно — облили опять! Во второй раз! Потом в третий. А потом бюст куда-то исчез, пропал. И вот теперь — снова-здорово! На том же самом месте, почти то же самое. Что, теперь к

Пушкину и к Натали милиционера приставлять прикажете? Нет, необходимо как можно скорее найти этого ужасного террориста, членовредителя и наказать его по всей строгости закона. Чтобы другим неповадно было. Не хватало нам ещё, чтобы живым поэтам руки со стихами отрубать начали!

— Безобразие!

— Наказать!

— Найти и наказать! — закричали в толпе.

Но тут к телекамерам подошёл Михаил Злобин и сказал:

— Не надо никого наказывать! Здесь, неподалёку, нашёл я гранитную руку со стихами. Вот она. Её легко можно приставить на место и закрепить, нужно только заменить стихи, посвящённые Анне Керн, на стихи, посвящённые Наталье Николаевне. Пусть это будет сонет «Мадонна», в нём есть замечательные строки:

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

И вложил он гранитный осколок в протянутые ладони изумлённого скульптора, и спросил у него:

— О'кей?

— Да без проблем! — согласился скульптор.

Таким образом, инцидент был исчерпан, и телевизионщики прекратили прямой репортаж.

— А не выпить ли нам с Александром Сергеевичем и Натальей Николаевной по коньячку? —

Н. Ерёмин с Робертом Рождественским и студентами Литературного института в Москве

спросил подошедший Михаил Михайлович Михайлов по прозвищу МММ. — В честь дня рождения!

— Отчего же не выпить, если хочется? — улыбнулся ему Михаил Иосифович Злобин. — Пушкин — это наше всё!

ПОСВЯЩЕНИЕ ЛАРИСЕ МЕРЗЛЯКОВОЙ И СЕРГЕЮ КУЗИЧКИНУ

*О Муза, радуйся: мы — живы!
Увы, правдивы или лживы,
Уродливы или прекрасны, —
Мы — живы!
Наши взоры ясны...
И всем глядят — глаза в глаза —
Лазурь, агат и бирюза...*

2023

Встреча в краевой библиотеке.
Н. Ерёмин, Л. Мерзлякова, С. Кузичкин